

*Н. В. Макеева***ЧАСТНОЕ ИЛИ ЦАРСКОЕ: ХВАЛЕБНЫЕ ЭПИТЕТЫ В ПАМЯТНИКАХ
ЕГИПЕТСКОГО СРЕДНЕГО ЦАРСТВА¹**

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Некоторые из эпитетов, прославляющие египетского царя, не уникальны для царских памятников, их можно встретить в частных автобиографиях рубежа III и II тысячелетий до н. э. Между тем египтологи традиционно проводят демаркационную линию между частным и царским культами. Ниже общность царской и частной фразеологии демонстрируется на примере Лахунского цикла гимнов царю XII династии Сенусерту III. Кроме того, рассматриваются основные направления осмысления этого явления в современной египтологии, ставится вопрос о релевантности оппозиции частного и царского. Библиогр. 35 назв.

Ключевые слова: Среднее царство, Первый переходный период, Лахунские гимны, хвалебные эпитеты, частные и царские памятники, направления заимствования.

PRIVATE OR ROYAL: LAUDATORY EPITHETS IN EGYPTIAN MIDDLE KINGDOM TEXTS*N. V. Makeeva*

St. Petersburg State University, SPbSU, 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034 Russian Federation

Many epithets used in the Egyptian Middle Kingdom to glorify kings are not unique to royal texts and can be traced in earlier laudatory autobiographies of non-royal persons. Here the phraseology of the Lahun Hymns to the 12th Dynasty king Senwosret III is analyzed, which had much in common with the texts of local rulers and high officials of the First Intermediate Period and the beginning of the Middle Kingdom. As the private and the royal spheres are traditionally separated in Egyptology, theories suggest that either royal eulogists had adopted phraseology originally used to celebrate local rulers, or that non-royals had borrowed from the lost royal repertoire. The contradiction in the directions of borrowing between private and royal texts would be irrelevant though, if we question the reality of absolute distinction between the two spheres.

Keywords: Middle Kingdom, First intermediate period, laudatory epithets, common phraseology, royal and private texts, directions of borrowing.

Восхваления, которые содержат многие древнеегипетские памятники, поражают современного читателя обилием и самоуверенностью. И хотя египтологи традиционно проводят демаркационную линию между частным и царским культами, разделяя их и в плане содержания, и в плане формы, схожие красочные эпитеты встречаются и в частных биографиях, и в текстах, прославляющих египетского царя. Так, некоторые из эпитетов и сравнений цикла гимнов Сенусерту III (вторая четверть XIX в. до н. э.) из Лахунского архива буквально совпадают либо имеют сильное сходство с теми, что встречаются в автобиографиях номархов и чиновников Первого переходного периода и начала Среднего царства (рубеж III и II тысячелетий до н. э.).

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)», финансируемой за счет бюджетных средств СПбГУ (Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Лахунский архив — собрание текстов и документов на папирусе, обнаруженное в конце XIX в. в ходе раскопок поселения Лахун. Поселение выросло рядом с большой стройкой XII династии — пирамидальным комплексом Сенусерта II. Большую часть архива составляют документы хозяйственного содержания, деловые письма, юридические папирусы. Среди сохранившихся папирусов и текстов, которые мы сегодня причисляем к «литературным», выделяются два больших папирусных листа, на лицевую сторону которых нанесен стихотворный текст, посвященный царю Сенусерту III Хакаура². Лахунские гимны восхваляют царя как могущественного защитника Египта от внешних врагов и благодетеля всех египтян. Ниже рассматриваются фразеологические параллели в том порядке, в котором они встречаются в лахунских гимнах.

В первом гимне речь идет о воинских доблестях царя, повергающего противников-иноземцев действиями своих рук, силой своего слова и магической мощью царской короны. Несколько раз в гимнах говорится о царских действиях, направленных на защиту и расширение границ Египта: *iri.n wd. w=f t3š. w=f* — установили его указы границы его, дважды встречается эпитет *swsh t3š. w=f* — расширяющий свои границы. Хотя такая деятельность кажется естественной царской прерогативой, фразы о защите границ и установке пограничных стел встречаются на памятниках частных лиц начала XII династии [3, р. 104–107]. Так, человек по имени Сахатхор, современник Аменемхета II, среди прочих своих достоинств упоминал на своей стеле, что он был *mki t3š=f* — защищающим свои границы³. Фраза, в точности соответствующая описанию действий Сенусерта III, встречается в тексте на гробнице Неферхнума⁴:

mri.w niw.t=f swsh t3š=s šš m hnm.w=s m^cr d3m.w=s

Любимый своим городом⁵, расширивший границы его, многочисленного жителями, счастливого молодежью.

В первом лахунском гимне Сенусерт III сравнивается с яростной богиней Сохмет: *sti šsr mi irr šhm.t* — выпускающий стрелу, как это делает Сохмет. Сравнение с «Сохмет в годину мора» обычно для царей: так называет царя «Поучение верно-подданного», так царь Сенусерт I представлен в тексте «Синухета». Но еще ранее схожее сравнение было использовано в надписи Нехри I в Хатнубе [6, р. 57, Gr. 24, строки 8–9]:

sd3=f m rhi.t hr.t=f m /// mi šhm.t hrw ny r-d3w

Трепет перед ним в народе, ужас перед ним... как перед Сохмет в день битвы.

Далее в тексте гимна царь назван *w^c rnpw [h3] hr t3š=f* — единственным юношей, сражающимся на своей границе. Даже исключительность свойственна не только царю, свою уникальность любили подчеркивать частные лица в начале XII династии. Например, чиновник Несумонту называл себя *w^c k3 ny Mnṯw* — единственным

² Первое издание Фэнсиса Льюэлина Гриффита: [1, р. 1–3, 99–100, 107, pl. 1–3], современное издание текстов Марка Колье и Стевена Кёрка: [2, р. 16–19].

³ Стела BM 569 [4, р. 2, pl. 19–20].

⁴ Средний Египет, начало XII династии [5, pl. 16, line 17].

⁵ Как обычно, в тексте местного правителя речь идет о его городе, а не о государстве. В царских Лахунских текстах тоже упоминается «город». Вопрос о том, должно ли это объясняться заимствованием фразеологии частных памятников или иным значением слова «город», пока остается открытым.

тельцом Монта⁶ и $w^c nht$ ну $t3$ рп — единственным победителем этой земли⁷. Среди «уникальных» известны также $w^c mnḥ ikr nḏ.t-r3$ — единственный превосходный, искусный советами⁸, $w^c wr$ — единственный великий⁹ и $w^c mnḥ iw.ty mity.w=f$ — единственный превосходный, которому нет подобных¹⁰.

Второй гимн посвящен описанию радости, которую выражают разные категории населения, довольные деятельностью царя (защитой их жизни, увеличением их доли). Подобные перечисления социальных и возрастных групп, объединившихся в восхищении, встречаются и в более ранних частных славословиях:

$hm.wt šbn m t3y.w i3w.w hr hrd.w$

Женщины перемешались с мужчинами, стариками и детьми (для восхваления)¹¹.

$rh hm hr mrw.t(=i) bw nb hr dw3 ntr hr(=i)$

Меня любили и мудрый, и невежда. Все благодарили бога за меня¹².

$wr.w hr hzi.t=i 3.w m ksw nds.w iw(.w) m hf3.t$

Вельможи хвалят меня, великие кланяются, малые приползли на коленях¹³.

Противопоставление «великих» (влиятельных, богатых) и «малых» (не столь влиятельных или вовсе убогих) было характерным для частных текстов начала XII династии [11, с. 86–90]. Подобное противопоставление содержит первая строка третьего Лахунского гимна: царь велик (wr), все остальные малы (ndz). В этой же фразе $wr.wi nb n niw.t=f$ — О как велик господин для города своего! актуализирована традиционная связь со своим городом, которая постоянно подчеркивалась в провинциальных биографиях Первого переходного периода и начала Среднего царства:

$mrr.w niw.t=f dmḏ hm.wt šbn hr t3y.w$

Любимый городом своим всем, женщинами вместе с мужчинами¹⁴.

Девять строк третьего гимна представляют царя как универсального защитника. Монарха называют «дамбой», «укрытием», «стеной», «убежищем», «приютом», «тенью в жару», «теплым углом» и «горой», способными укрыть несчастного египтянина от всевозможных неприятностей. Не столь разработанные, но тем не менее близкие по смыслу сравнения встречались задолго до составления Лахунских гимнов. Правитель Асьюта называл себя $šw.t n.t t3 r-dr=f$ — тенью для всей страны¹⁵, а фиванский чиновник Несумонту описывался как $h(w)i.t hm.t n hs.w m w3s.t$ — теплый покров для замерзающего в Фивах¹⁶.

В четвертом гимне перечисляются действия царя, в результате которых Египет и его народ достигли благоденствия. Последняя строка завершает картину жизни страны, благодаря своему государю обретшую покой:

⁶ Стела Лувра С1, строка 6 [7, р. 103–140].

⁷ Там же, строка 12.

⁸ Стела Британского музея 572 [8].

⁹ Стела из Абидоса CG 20539 [9].

¹⁰ Гробница номарха Джафаихапи I, строки 349–350 [5, pl. 9].

¹¹ Гробница номарха Хети II (Siut IV), строки 16–17 [5, pl. 13].

¹² Стела Менгухотепа, сына Хапи, возможно, из Арманта, UC 1433 [10].

¹³ Стела Несумонту, строка 10 [7].

¹⁴ Нехри I в Хатнубе, Gr. 20 [6, 42].

¹⁵ Гробница номарха Хети II (Siut IV, line 7) [5, pl. 13].

¹⁶ Стела Несумонту [7].

/// [hrd.w]=n krs=n i3w.w=n

[Воспитываем мы детей] наших, хороним мы стариков наших.

Здесь царский гимн воспроизводит тему, хорошо известную по частным памятникам. Многие местные властители и царские чиновники Первого переходного периода и Среднего царства писали, что именно они и воспитывали, и хоронили. Например,

ink šdi nḥn krs i3w

Это я воспитывал юного и хоронил старика¹⁷.

krs i3w šd nḥn

Тот, который хоронит старого, растит малого¹⁸.

Фраза nḥm.n=fʿw3 — устранил он грабеж в контексте четвертого царского гимна обычно понимается как очередной формальный элемент славословия. Подобные фразы встречались и ранее:

iw nḥm.n=i niw.t=i hrw ʿw3 m-ʿ hr.t mri.t n.t pr-nsu

Спас я свой город в день грабежа от болезненного ужаса царского дома¹⁹.

В надписях начала Среднего царства из Хатнуба этот и другие подобные пассажи египтологи рассматривают как свидетельство политических перипетий периода [12, с. 140–141]. Однако типичность фразы заставляет задуматься о том, как соотносятся хвалебные слова и реальность. Если мы верим похвальбе номарха, то почему не усматриваем исторического свидетельства в славословии царю?

Правление Сенусерта III, о котором идет речь в Лахунских гимнах, было временем окончательной централизации власти. В результате административных реформ влияние местных элит значительно уменьшилось [13, р. 57], еще ранее хвалебные биографии на частных памятниках стали редкими. Лахунские гимны почти на сто лет старше эпохи, в которую размещение длинных славословий на памятниках местных владык, а затем крупных чиновников было распространенной практикой. При этом очевидно, что лахунские царские славословия тематически, а порой и буквально совпадают с текстами частных восхвалений. Притом что литература эпохи Сенусерта III была и богата, и сложна [14], перепев старых провинциальных песен нуждается в объяснении.

Сходство между фразеологией царских памятников и частных биографий было давно подмечено египтологами. Впервые излагая для широкого читателя содержание текста Лахунских гимнов в 1897 г., Гастон Масперо привел соответствия из самовосхваления Несумонту [15]. Для Масперо «странная» и оторванная от контекста риторика текстов представляла лишь «увечный скелет окаменевшего животного» [15, р. 21]. Последующие исследователи усердно классифицировали эти скелеты. Основой классификации стали хронологическая, а также социальная принадлежность текстов. Между царской идеологией и сферой частного культа была проведена демаркационная линия, которая непременно сохраняла свое присутствие в работах египтологов, несмотря на то что роль египетского царя переосмыслялась. Сходство форм всегда понималось как результат процессов влияния и за-

¹⁷ Стела Ментухотепа UC 14333.

¹⁸ Хатнуб, Gr. 20, строка 8 [6, р. 43].

¹⁹ Надпись Каи из Хатнуба, Gr. 24, строка 7 [6, р. 54].

имствования между царской и частной сферами. При описании любого явления египтологи устанавливали, к какой из сфер оно принадлежало.

Специальные работы, как правило, были посвящены одной из категорий текстов. Царские эпитеты были собраны Элке Блюменталь в классическом труде, посвященном фразеологии, описывающей царя в Среднее царство [16]. Царские эпитеты были разделены по смысловым категориям, и для некоторых характеристик царя Э. Блюменталь приводила параллели из частных памятников. Значительное количество частной хвалебной фразеологии было собрано Йозефом Янсеном в работе о традиционных египетских автобиографиях Старого и Среднего царств [17]. Позже хвалебные эпитеты памятников Среднего царства были до некоторой степени систематизированы Денизой Докси [18]. Бегло коснувшись вопроса о соотношении царских и частных эпитетов, Д. Докси отметила [18, р. 3–5], что и те и другие имели одну функцию в тексте и основывались на общих моральных ценностях. Не сомневаясь в принципиальном различии между царскими монументальными надписями и частными текстами, она тем не менее признает, что в отдельных случаях имеет место и несомненное сходство. С одной стороны, иногда чиновники (особенно начальники экспедиций в пустынные районы) использовали «практически неотличимые от царских» эпитеты-идеологемы: сравнивали себя с богами, говорили об их любви к себе, изображали победы над врагами [18, р. 5]. С другой стороны, как продемонстрировал на примере стелы Сенусерта III из Семны-Уронарти Кристофер Эйр [19], царские тексты порой выказывали удивительное сходство с литературными и автобиографическими текстами Среднего царства.

Понимание того, за какой из сфер следует признать инновационное первенство, ограничено обычной для древней истории скудостью данных. Царских самовосхвалений от Старого царства неизвестно, сохранились лишь небольшие энкомии царям в составе частных надписей²⁰ либо на рельефах царских гробничных комплексов²¹. Довольно долго египтологи связывали появление славословий с расцветом жанра частных биографий в эпоху Первого переходного периода. В самом деле, биографические надписи Старого царства были немногословны, но с началом нового периода ситуация изменилась. После разрушения старой системы новые очаги власти возникли в провинциальных центрах, начался расцвет жанра частных биографий на памятниках представителям местных элит. Как сформулировала исследовательница египетской литературы Мириам Лихтхайм, распад жесткой централизованной системы и последующий период безвластия «освободил индивида» [21, р. 142]. Местные правители изображали свое величие в масштабах человечества и вечности. Наиболее знаменит оказался номарх Анхтифи, оставивший непревзойденный пример бахвальства: *Я начало людей и конец людей. Ибо не было подобного, и не будет. Не был рожден подобный и не будет рожден. Я превзошел сделанное предками, и не достигнут мои потомки (таких) масштабов во всем сделанном в этот миллион лет...* [22, р. 185].

Несмотря на то что власть правителей Фив не распространялась далеко за пределы родного города, они называли себя царями, им суждено было остаться в истории XI египетской династией, объединить Египет и дать начало Среднему царству. Памятники фиванских правителей важны для понимания взаимоотноше-

²⁰ Например, надпись Нианхсохмета [20, S. 39–40].

²¹ Например, в речи иноземцев, прибывших на кораблях, в храме Сахура.

ния частных и царских текстов: по ним, казалось бы, можно судить о том, заимствовала ли возродившаяся монархия традицию, созданную подданными. Ключевым для понимания стал один из первых царских памятников, содержащий славословие, — стела царя XI династии Интефа II Ваханха (середина XXI в. до н. э.). Интеф рассказывает об устройстве храмов для богов, военных действиях против соседей, своем величии и той пользе, которую он принес родному городу. Авторитетный британский египтолог Джон Бэйнс уверенно писал, что стелы царя Ваханха Интефа построены по модели частных памятников, как по содержанию, так и по иконографии [22, р. 133]. Эта идея получила широкое распространение и до настоящего времени популярна. Разные исследователи лишь по-разному определяют степень «царскости» памятника: как слабую («Надпись Интефа II Ваханха продолжает традицию частных биографий, таких как биография Анхтифи в Моалле, но с новыми добавлениями... царских элементов» [22, р. 280]) либо как нулевую («От памятников его подданных она отличается разве что большей величиной» [25, с. 127]).

К середине XII династии усилиями египетских царей институт наследственных номархов был если не уничтожен вовсе, то сведен к минимуму [26]. Исследователи, усматривающие истоки всех инноваций среднеегипетской царской идеологии в местных традициях, полагали, что к единому государю отошли все характеристики местной власти, и словесные, и иконографические [27]. В литературе от частных надписей, имеющих двухчастную систему — *oratio* и *narratio* [21, р. 145], произошли два жанра царской литературы: «царская новелла» и царские восхваления. Царь стал изображаться как хороший патрон, внимательный к нуждам подданных. Даже большим ушам на портретных изображениях царей второй половины XII династии нашлось объяснение в духе этой теории — уши могли быть символом внимания [28].

В конце 1990-х годов с критикой традиционного представления о направлении заимствования выступил Детлеф Франке [29]. Он представил картину иначе. Согласно его видению, основные положения концепции царской власти сформировались еще в период II–III династий, однако некоторые из них не были зафиксированы в Старое царство ни в изображениях, ни в текстах. В эпоху VIII–XI династий (Первый переходный период) элементы концепции верховной власти были заимствованы элитой и впервые «вышли на поверхность» [29, S. 175–176].

Таким образом, направление заимствования менялось на противоположное: не частный репертуар присваивался центральной властью, но местные правители узурпировали древнейший царский ритуал. Стало возможным по-новому посмотреть на некоторые не вполне обычные тексты, сохранившиеся в частных гробницах. Например, поэтический фрагмент из биографии вельможи Уни, выделяющийся среди основного текста своей анафорической структурой, в египтологии XIX–XX вв. считали «солдатской песней». Николь Клот [30, S. 192–193] предположила, что Уни подражает гимну, исполняемому в ходе царской победной процессии, или даже напрямую заимствует его из царского репертуара. Подобным образом, считает Н. Клот, царские документы могли быть перефразированы и восприняты в частных памятниках — гробнице Анхтифи в Моалле и надписях клана Нехри в Хатнубе.

Развивая свою теорию, Д. Франке высказал мнение, что фразеология царских текстов Первого переходного периода только на первый взгляд схожа с частной. Например, в стеле Интефа он не усматривает ничего такого, что не позволяло бы считать его царским документом [29, S. 181]. Тем не менее в условиях отсутствия

прямых доказательств своих положений в итоге Д. Франке предложил компромиссное решение проблемы заимствования: *тематически* образ царя в текстах Среднего царства опирается на старую догму, но *фразеологически* корни лежат в частных биографиях Первого переходного периода [29, S. 189]. Незаписанные аспекты царского культа в Старое царство окольными путями, через биографии патронов Переходного периода, были вновь восприняты в дискурсе царских памятников.

Очевидно, что обе теории, предполагающие противоположные направления заимствования, основаны на противопоставлении двух сфер: частной и царской. Возможно поставить вопрос о том, оправданно ли это основание. Не так уж редко встречаются памятники, которые сложно однозначно отнести к частной или царской сфере. Так, стела Хора из Вади эль-Худи²² содержит лишь небольшую «личную» часть, в то время как основной текст отведен славословию Сенусерту I. Этой стеле были даны разные объяснения: Жорж Познер полагал, что мы имеем дело с проявлением личной преданности на частном памятнике, а Дж. Бэйнз называл эту стелу «получастной» (semi-private). Однако проблема не ограничивается одной стелой. Частные лица тоже нередко фигурируют на царских памятниках (текст Сенусерта I о начале строительства в храме Гелиополя²³; анналы *gnw.t* Митрахины [32], в которых перечисляются как царские статуи, так и частные; изображение хранителя печати Неши на стеле Камеса [33]).

На рубеже XX–XXI вв. была предпринята попытка снять противопоставление царского и частного для заупокойных ритуалов [34; 35]. Ранее считалось, что заупокойные тексты, зафиксированные на стенах пирамид, изначально предназначались исключительно для царей, но в результате падения Старого царства произошла так называемая «демократизация» заупокойной сферы. Новейшие исследования показали [35], что наше представление о направлении заимствования основано лишь на том, что *Тексты пирамид* хронологически предшествуют другим заупокойным сборникам. Между тем анализ *Текстов саркофагов* частных лиц показывает, что они не имеют существенных отличий от *Текстов пирамид* ни по древности, ни по тому, как они представляют посмертное существование покойного.

Тексты, содержащие славословия, как правило, относятся к автобиографическому жанру и являются принадлежностью личного культа, цель которого — обеспечить добрую память потомков. Среднеегипетские тексты повторяют, что «полезно думать о будущем». У царей и номархов было одно будущее среди людей. Здесь разделение на частную и царскую сферы искусственно. Царей и их подданных объединяли и язык, и культура, и это объясняет появление одинаковых хвалебных эпитетов и на частных, и на царских памятниках.

Литература

1. Griffith F. Hieratic Papyri from Kahun and Gurob (principally of the Middle Kingdom). London: Bernard Quaritch, 1898. 112 p.
2. Collier M., Quirke S. The UCL Kahun Papyri: Religious, Literary, Legal, Mathematical and Medical. Oxford: The Besingstone Press, 2004. 160 p.
3. Galan J. Victory and Border. Terminology related to Egyptian Imperialism in the XVIIIth Dynasty. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1995. 197 p.

²² Стела Каирского музея JE 71901 [31].

²³ Папирус Берлинского музея 3029.

4. *Budge W.* Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc. in the British Museum II. London: The Trustees of the British Museum, 1912. 12 p., 50 pl.
5. *Griffith F.* The inscriptions of Siut and Dêr Rîfeh. London, 1889. 12 p., 21 pl.
6. *Anthes R.* Die Felseninschriften von Hatnub. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1928. 121 p.
7. *Obsomer C.* La Date de Nesumontu // *Revue d'Égyptologie*. 1993. Vol. 44. P. 103–140.
8. The British Museum Collection online. URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=119632&partId=1 (дата обращения: 18.11.2015).
9. *Lange H., Schäfer H.* Grab- und Denksteine des mittleren Reichs im Museum von Kairo. Berlin: Reichsdruckerei, 1908. T. II. P. 154–158.
10. *Goedicke H.* A Neglected Wisdom Text // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1962. Vol. 48. P. 25–35.
11. *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего Царства. М.: Наука, 1978. 367 с.
12. *Демидчик А.Е.* Государственная доктрина древнеегипетской гераклеопольской монархии: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 439 с.
13. *Grajetzki W.* The Middle Kingdom of Ancient Egypt. History, Archaeology, Society. London: Duckworth, 2006. 208 p.
14. *Mathieu B.* La Littérature à la Fin du Moyen Empire // *Sésostri III, Pharaon de légende*. Gent: Snoeck, 2014. P. 86–91.
15. *Maspero G. Griffith F.L.* The Petrie Papyri // *Journal des Savants*. April 1897. P. 206–220.
16. *Blumenthal E.* Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. Berlin: Akademie Verlag, 1970. 471 S.
17. *Janssen J.* De traditioneele Egyptische Autobiografie vóór het Nieuwe Rijk. Deel 1, 2. Leiden: J. G. Brill, 1946. 209 S.
18. *Doxey D.* Egyptian Non-royal epithets in the Middle Kingdom. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998. 435 p.
19. *Eyre Ch.* The Semna stelae: quotation, genre, and functions of literature // *Studies in Egyptology presented to Miriam Lichtheim* / ed. S. Israelit-Groll. Jerusalem: Hebrew University, 1990. Vol. I. P. 134–165.
20. *Sethe K.* Urkunden des alten Reichs. I. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 S.
21. *Lichtheim M.* Ancient Egyptian autobiographies chiefly of the Middle Kingdom: A study and an anthology. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1988. 171 p.
22. *Vandier J.* Moaalla. La Tombe d'Ankhtifi et la Tombe de Sébekhotep. Le Caire: Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale, 1950. 264 p.
23. *Baines J.* Kingship before Literature: the World of the King in the Old Kingdom // *Selbstverständnis und Realität* / hrsg. R. Gundlach, Ch. Raedler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. S. 125–174.
24. *Shih-Wei Hsu.* The Development of Ancient Egyptian Royal Inscriptions // *Journal of Egyptian Archaeology*. 2012. Vol. 98. P. 269–284.
25. *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида. СПб.: Алетейя, 2005. 271 с.
26. *Gestermann L.* Der politische und kulturelle Wandel unter Sesostri III // *Per aspera ad astra* / hrsg. L. Gestermann, H. Sternberg-El Hotabi. Kassel, 1995. S. 31–50.
27. *Laboury D.* Portrait versus Ideal Image // *UCLA Encyclopaedia of Egyptology*. URL: <http://escholarship.org/uc/item/9370v0rz#page=1> (дата обращения: 29.08.2015).
28. *Gestermann L.* König und Nomarch // *Selbstverständnis und Realität* / hrsg. R. Gundlach, Ch. Raedler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. S. 37–47.
29. *Franke D.* Schöpfer, Schützer, guter Hirte: Zum Königsbild des Mittleren Reiches // *Selbstverständnis und Realität* / hrsg. R. Gundlach, Ch. Raedler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. S. 175–209.
30. *Kloth N.* Die (auto-)biographischen Inschriften des ägyptischen Alten Reiches: Untersuchungen zu Phraseologie und Entwicklung. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2002. 333 S.
31. *Galan J.* The Stela of Hor in Context // *Studien zur Altägyptischen Kultur*. 1994. Bd. 21. S. 65–79.
32. *Altenmüller H., Moussa M.* Die Inschrift Amenemhets II. aus dem Ptah-Tempel von Memphis: ein Vorbericht // *Studien zur Altägyptischen Kultur*. 1991. Bd. 18. S. 1–48.
33. *Habachi L.* The second stela of Kamose and his struggle against the Hyksos ruler and his capital. Glückstadt: J. J. Augustin, 1972. 67 p.
34. *Smith M.* Democratization of the Afterlife // *UCLA Encyclopedia of Egyptology* / eds. J. Dieleman, W. Wendrich. URL: <http://escholarship.org/uc/item/70g428wj> (дата обращения: 29.08.2015).
35. *Hays H.* The death of the Democratisation of the Afterlife // *Old Kingdom: New Perspectives. Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC* / eds. N. Strudwick, H. Strudwick. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 121–123.

Для цитирования: Макеева Н.В. Частное или царское: хвалебные эпитеты в памятниках египетского Среднего Царства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 2. С. 20–29. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.203

References

1. Griffith F. *Hieratic Papyri from Kahun and Gurob (principally of the Middle Kingdom)*. London, Bernard Quaritch, 1898. 112 p.
2. Collier M., Quirke S. *The UCL Lahun Papyri: Religious, Literary, Legal, Mathematical and Medical*. Oxford, The Besingstone Press, 2004. 160 p.
3. Galan J. *Victory and Border. Terminology related to Egyptian Imperialism in the XVIIIth Dynasty*. Hildesheim, Gerstenberg Verlag, 1995. 197 p.
4. Budge W. *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc. in the British Museum II*. London, The Trustees of the British Museum, 1912. 12 p., 50 pl.
5. Griffith F. *The inscriptions of Siut and Dér Rifeh*. London, 1889. 12 p., 21 pl.
6. Anthes R. *Die Felseninschriften von Hatnub*. Leipzig; J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1928. 121 p.
7. Obsomer C. La Date de Nesumontu. *Revue d'Égyptologie*, 1993, vol. 44, pp. 103–140.
8. *The British Museum Collection online*. Available at: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=119632&partId=1 (accessed: 18.11.2015).
9. Lange H., Schäfer H. *Grab- und Denksteine des mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Berlin, Reichsdruckerei, 1908, vol. II, pp. 154–158.
10. Goedicke H. A Neglected Wisdom Text. *Journal of Egyptian Archaeology*, 1962, vol. 48, pp. 25–35.
11. Berlev O.D. *Obshchestvennye otnosheniia v Egipte epokhi Srednego Tsarstva [Social Relations in Middle Kingdom Egypt]*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 367 p. (In Russian)
12. Demidchik A.E. *Gosudarstvennaia doktrina drevneeegipetskoi gerakleopol'skoi monarkhii*. Dokt. Diss. [*The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy*. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2007. 439 p. (In Russian)
13. Grajetzki W. *The Middle Kingdom of Ancient Egypt. History, Archaeology, Society*. London, Duckworth, 2006. 208 p.
14. Mathieu B. La Littérature à la Fin du Moyen Empire. *Sésostris III, Pharaon de légende*. Gent, Snoeck, 2014, pp. 86–91.
15. Maspero G., Griffith F.L. The Petrie Papyri. *Journal des Savants*, Avril 1897, pp. 206–220.
16. Blumenthal E. *Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches*. Berlin, Akademie Verlag, 1970. 471 p.
17. Janssen J. *De traditioneele Egyptische Autobiografie vóór het Nieuwe Rijk. Deel 1, 2*. Leiden, J.G. Brill Publ., 1946. 209 p.
18. Doxey D. *Egyptian Non-royal epithets in the Middle Kingdom*. Leiden, Boston, Köln, Brill Publ., 1998. 435 p.
19. Eyre Ch. The Semna stelae: quotation, genre, and functions of literature. *Studies in Egyptology presented to Miriam Lichtheim*. Ed. S. Israelit-Groll. Jerusalem, Hebrew University Publ., 1990, vol. I, pp. 134–165.
20. Sethe K. *Urkunden des alten Reichs. I*. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 p.
21. Lichtheim M. *Ancient Egyptian autobiographies chiefly of the Middle Kingdom: A study and an anthology*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht Publ., 1988. 171 p.
22. Vandier J. *Moalla. La Tombe d'Ankhtifi et la Tombe de Sébekhotep*. Le Caire, Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale Publ., 1950. 264 p.
23. Baines J. Kingship before Literature: the World of the King in the Old Kingdom. *Selbstverständnis und Realität* Hrsg. R. Gundlach, Ch. Raedler. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997, pp. 125–174.
24. Shih-Wei Hsu. The Development of Ancient Egyptian Royal Inscriptions. *Journal of Egyptian Archaeology*, 2012, vol. 98, pp. 269–284.
25. Demidchik A.E. *Bezymiannaia piramida [A Nameless Pyramid]*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2005. 271 p. (In Russian)
26. Gestermann L. Der politische und kulturelle Wandel unter Sesostri III. *Per aspera ad astra*. Hrsg. L. Gestermann, H. Sternberg-El Hotabi. Kassel, 1995, pp. 31–50.
27. Laboury D. Portrait versus Ideal Image. *UCLA Encyclopaedia of Egyptology*. Available at: <http://escholarship.org/uc/item/9370v0rz#page=1> (accessed: 29.08.2015).

28. Gestermann L. König und Nomarch. *Selbstverständnis und Realität*. Hrsg. R. Gundlach, Ch. Raedler. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997, pp. 37–47.
29. Franke D. Schöpfer, Schützer, guter Hirte: Zum Königsbild des Mittleren Reiches. *Selbstverständnis und Realität*. Hrsg. R. Gundlach, Ch. Raedler. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997, pp. 175–209.
30. Kloth N. *Die (auto-)biographischen Inschriften des ägyptischen Alten Reiches: Untersuchungen zu Phraseologie und Entwicklung*. Hamburg, Helmut Buske Verlag, 2002. 333 p.
31. Galan J. The Stela of Hor in Context. *Studien zur Altägyptischen Kultur*, 1994, Bd. 21, pp. 65–79.
32. Altenmüller H., Moussa M. Die Inschrift Amenemhets II. aus dem Ptah-Tempel von Memphis: ein Vorbericht. *Studien zur Altägyptischen Kultur*, 1991, Bd. 18, pp. 1–48.
33. Habachi L. *The second stela of Kamose and his struggle against the Hyksos ruler and his capital*. Glückstadt, J. J. Augustin, 1972. 67 p.
34. Smith M. Democratization of the Afterlife. *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. Eds. J. Dieleman, W. Wendrich. Available at: <http://escholarship.org/uc/item/70g428wj> (accessed: 29.08.2015).
35. Hays H. The death of the Democratisation of the Afterlife. *Old Kingdom: New Perspectives. Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC*. Eds. N. Strudwick, H. Strudwick. Oxford, Oxbow Books, 2011, pp. 121–123.

For citation: Makeeva N. V. Private or royal: laudatory epithets in Egyptian Middle Kingdom texts. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2016, issue 2, pp. 20–29. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.203

Статья поступила в редакцию 11 января 2016 г.

Контактная информация

Makeeva Наталья Валентиновна — магистр; nataliam.makeeva@gmail.com

Makeeva Natalia V. — master; nataliam.makeeva@gmail.com